

И.В. ТРОЦУК

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «РОМАНТИЗАТОРАХ МИРА»¹: ТИПАЖИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Существует редкая категория книг, которая вызывает эмоциональный отклик уже самим названием в силу его не столько дискуссионности, сколько провокационности, вряд ли искусственно спроектированной: раз в фокусе внимания рецензируемого двухтомника² — Россия мыслящая [2, 3], значит, есть и немыслящая и, судя по названию первого сборника, неинтеллектуальная и неактивная. Сразу возникает вопрос, кому же данные книги адресованы, — редакционный коллектив пренебрег написанием аннотации, оговаривающей предполагаемый круг читателей. Но описание проекта, по результатам которого вышли в свет рецензируемые сборники, и специфики деятельности реализовавшего его некоммерческого фонда совершенно точно предполагает подготовленного читателя-интеллектуала. Такой читатель, видимо, по определению состоит в братстве России мыслящей

Троцук Ирина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. Адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2. Телефон: (495) 433–20–22. Электронный адрес: irina_trocuk@rambler.ru

¹ Позволим себе воспользоваться приведенной в статье В. Куренного «Карл Манхейм» цитатой: «Необходимо романтизировать мир... Придавая благородный смысл тому, что вульгарно, черты таинственности — банальному, знание неизвестного — известному, видимость бесконечности — конечному, я романтизирую мир» [3, с. 234].

² Рассматривать рецензируемые издания — «Мыслящая Россия: интеллектуально-активная группа» и «Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов» — как двухтомник позволяет утверждение их редактора В. Куренного, что «история и теория интеллигенции и интеллектуалов» — «историко-теоретическое дополнение к эмпирическому исследованию», позволяющее «взглянуть на затронутые в эмпирической части работы проблемы, исходя из различных концептуально-теоретических перспектив». Данные сборники завершают, надеюсь, пока только трилогию (первая книга — Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006), которая написана по результатам исследовательского проекта, начатого в 2005 г. с крайне амбициозными целями: «формирование позитивного интеллектуального имиджа России» и «налаживание диалога и адекватных организационных форм коммуникации в экспертном сообществе и научных кругах» [2, с. 5].

(и интеллектуально-активной?), хотя вопрос, насколько издание в принципе подразумевает аудиторию за пределами обозначенных в первом сборнике институциональных и медийных рамок интеллектуальной среды, остается открытым.

Львиная доля рецензии будет отдана меньшему по объему первому сборнику, поскольку второй более академичен и нет смысла подробно пересказывать его содержание. Кроме того, вряд ли рецензия получится хорошо структурированной — перед нами очень разные книги, которые объединяет только общее предметное поле, где каждый автор рассматривает свой аспект максимально «эгоистично», даже с точки зрения выбора формата статьи. Поэтому попробуем выделить основные содержательные блоки и сквозные рефрены сборников, а также обозначить моменты, которые способны вызвать у читателя ту или иную реакцию: восторг, тихую радость, разочарование или раздражение. (Подразумевается читатель, отягощенный социологическим образованием и опытом, — иная дисциплинарная принадлежность и биографический багаж, вероятно, заставят реагировать иначе и на иные моменты.)

Итак, первый сборник представляет собой изложение методических и понятийных оснований и аналитических выкладок по результатам эмпирического социологического исследования «Интеллектуально-активная группа: мировоззрение, специфика социальных функций и идеологические дифференциации в контексте постсоветской трансформации». Оно включало проведение двадцати круглых столов, более ста глубинных интервью и анкетирование в тринадцати российских городах в марте–июле 2008 г. для «очерчивания поля социально-дискурсивных напряжений, задающего способы, контексты и границы актуального использования понятия “интеллигенция”». Основными критериями отбора информантов стали: институциональная принадлежность «центрам производства знания», причастность к медийным, общественным и культурным институциям, т. е. вовлеченность в публичный дискурс в силу профессиональной занятости или личной заинтересованности (например, ведение интернет-блога) и фактор достижимости (здесь не очень понятно, идет ли речь об отказах от участия в интервью или о невозможности рекрутировать информантов в принципе). Структурно сборник состоит из вспомогательного аппарата (предисловие и сведения о фонде, инициировавшем и финансировавшем проект, и авторах), подробной характеристики методики, логики и терминологии социологического исследования и развернутого анализа субъективных (идентификационных и мировоззренческих) и объективных компонентов интеллектуального пространства современного российского общества. Последний блок завершает раздел из двух кейс-стади — почти художественных зарисовок

по мотивам сюжетов, которые не встроились в основной текст книги: первый — из-за акцента на методике транскрибирования (в материале об уральской интеллигенции использовался конверсационный анализ несколько специфичного семинара); второй — по причине попытки типологизировать особую интеллектуально-активную группу — «православную интеллигенцию, занимающуюся социально значимыми вопросами и пытающуюся разрешить их в мирской жизни» [2, с. 211].

Схематично логика сборника такова. Существует ряд исторически устойчивых социально не нейтральных терминов, и важно понять, насколько в актуальном научно-коммуникативном дискурсе они сохраняют или, напротив, меняют свою смысловую и оценочную нагруженность в качестве обозначений неких онтологических сущностей (социальных групп) и способов (само)идентификации и солидаризирующей (само)референции. Задача осложняется тем, что рассматриваемые соционимы (интеллигенция и интеллектуалы) — неотъемлемая часть не только научного и публицистического, но и повседневного дискурса. В массовом опросе любой респондент, пусть и с разной степенью затруднения, но назовет базовые характеристики интеллектуала и/или интеллигента (скорее всего, определяя их через друг друга) и укажет таковых среди публичных людей, т. е. «ни понятие “интеллектуалов”, ни понятие “интеллигенции”... научно не плодотворны — они могут послужить разве что предварительному уразумению, ибо перешли уже в обыденную речь» [3, с. 294].

Авторы сознательно отказываются от обозначения в методической части сборника каких-либо релевантных имен и идейных референций в интерпретации используемых понятий (данная работа проведена во второй книге). Они принимают единственно возможное решение: уходят от уравнивания или противопоставления интеллигенции и интеллектуалов (впрочем, легко их используя как синонимы в аналитических рассуждениях) как обремененных исторической традицией и очевидными оценочными коннотациями, спорить о которых можно бесконечно. Взамен вводятся более широкие и нейтральные концепты «интеллектуальная среда» и «интеллектуально-активная группа», удобные с инструментальной точки зрения. Раз искомые феномены размыты и многогранны, в их эмпирическом анализе приходится идти на компромиссы — иначе надо было бы признать свою исследовательскую несостоятельность и заявить о невозможности их изучения в принципе³.

³ Нечто подобное социологи вынуждены совершать и в эмпирических исследованиях массовой культуры — невозможность дать однозначное операциональное определение не отменяет необходимости анализа.

Методически проект имеет качественный формат, что исключает претензии на репрезентативность (поэтому странно читать о якобы «репрезентативных примерах» институтов), допуская лишь построение типологий и формулировку аналитических, а не статистически значимых обобщений благодаря триангуляции исследовательских «оптик». В выбранном формате ускользающие от определения или излишне клишированные концепты само «поле» наполняет дискурсивной и фактической семантикой, проясняя актуальные социально-маркирующие, прагматические и функциональные смыслы понятий «интеллигент» и «интеллектуал». Качественный подход не исключает использования и количественных методик: было проведено анкетирование, но, к сожалению, не указано, на какие вопросы отвечали информанты и каковы процентные распределения ответов, а в приведенных «рейтингах» периодических печатных изданий и интернет-сайтов не названы единицы измерения и степень отдаленности позиций. Кроме того, к целому ряду данных просто напрашивается простейший контент-анализ (по аналогии с [4]), чтобы, скажем, в разделе «Трудности самоидентификации» показать представленность тех или иных идентификационных моделей (условно говоря, информанты предпочитают статус эксперта или представителя среднего класса) и как-то подтвердить утверждение о «высокой частотности использования понятия “интеллигенция” и его разновидностей» [2, с. 45]. Некоторые количественные умолчания, честно говоря, смущают: например, называется среднее число участников круглых столов без уточнения типа статистики и размаха значений; таблицы приводятся без пояснений ярких региональных различий (каковы причины отсутствия представителей Русской православной церкви в Москве и Санкт-Петербурге, интернет-порталов и блогов — в регионах?).

Пытаться пересказать содержание книги бессмысленно, потому что большую ее часть составляет прямая речь информантов. И в этом безусловное достоинство сборника, поскольку объемные фрагменты транскриптов, с одной стороны, почти создают «эффект присутствия» читателя на круглых столах, с другой — свидетельствуют о смелости авторов. Публикация отрывков интервью и семинаров — всегда риск, потому что аналитические выкладки тогда теряют авторитарный характер, ведь читатель может счесть притянутыми за уши наиболее дорогие аналитикам интерпретации, иначе трактовать смысл и оценочный вектор суждений информантов. И не потому, что исследователи глупее. Во-первых, в ходе кропотливой, длительной читки многостраничных транскриптов глаз «замыливается». Во-вторых, многие интерпретации рождаются в голове исследователя — модератора или интервьюера — по ходу дела: какие-то вещи понимаются в процессе непринужденного общения, но в публикуемые фрагменты или в транскрипты

не попадают. В-третьих, у каждого аналитика есть свои идеологические и методологические предпочтения, от которых сложно дистанцироваться. Тем не менее, в целом авторов книги отличает хорошая способность аналитически играть с транскриптами, рассматривая одни и те же тексты через самые разные «линзы» (социальных институтов, функций, типов, идентификаций, логики коммуникации и т. д.) и самоирония: авторы уточняют, что «менее всего пытались каким-то образом участвовать в борьбе за символический капитал понятий», и «всякое сходство <“голосов” транскриптов> с реальными людьми является случайным» [2, с. 10].

Кратко обозначим типологии, которые предлагаются в сборнике как итоги эмпирической работы. «Ценностная “аура”» понятия «интеллигенция» включает целый спектр мнений: отрицание номинации («уже нет давно никакой интеллигенции в общественном сознании»⁴); оценка ее восприятия социальной средой как карикатурно-агрессивного; подозрение в безосновательном идеологически-манипулятивном присвоении масштабных социальных функций «советской нации» и самоинициативирования в целях «самозахвата символического капитала» и получения социального признания. А также — спокойная констатация, что это категория из прошлого, «реликт советского времени», которая в современном обществе, в силу дисперсии соответствующей социальной группы и утраты ею базовых «образующих» качеств (моральная покаянная позиция, социальная ответственность и озабоченность, защита слабых, борьба с неправдой, отстаивание свободы, производство смыслов и т. д.), семантически сближается с понятиями эксперта и интеллектуала, которых отличает другой набор свойств (серьезная аналитическая или критическая работа на заказ в заданной конъюнктуре рынка труда). Судя по тексту книги, понятия интеллигента и интеллектуала разграничивает, прежде всего, «маркетализованность» второго (экономический прагматизм, стремление к профессиональной самореализации и прикладная политическая работа) в противовес социально-критической и культурной ориентированности первого. С другой стороны, признается, что интеллигенция сегодня утрачивает просвещенческий, мессианский пафос, заменяя его подержанием актуальной идеологической риторики, а потому данное понятие используется информантами с несколько извиняющимися и ироничными интонациями («...я просто держусь от власти подальше — старая интеллигентская привычка»).

Конечно, приведенный спектр мнений было бы интересно рассмотреть в контексте самоидентификационных паттернов коллективного

⁴ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из транскриптов круглых столов и интервью, т. е. речь информантов.

объекта (скажем, применив тест «двадцати Я») и субъекта исследования (отношение авторов к изучаемым соционимам как к личным «этикеткам» не обозначено), проведя, в том числе, более тщательную работу с соционимами (например, используя проективные или психосемантические методики), но, видимо, столь методически насыщенные проекты сегодня реализовать крайне сложно. Трудностям самоидентификации российского интеллектуального актива посвящен целый раздел книги: «разношерстность» ответов информантов авторы пытаются скоррелировать с их профессиональной позицией. Это получается вполне удачно в случае крепкой институциональной укорененности информаторов в университетском и академическом сообществах. И почти не выходит — когда используются «экзотические способы социального самоопределения» через модные неологизмы, столь притягательные в нынешней век идентификационной «бездомности» [1] («блогер», «фрилансер», «пиар-консультант», «карьерный интеллектурал», «представитель духовного сословия»), или когда звучат ироничные высказывания о возможности отнесения к интеллигенции («пресловутая мелкобуржуазная интеллигенция») или среднему классу («по тем признакам, которые вообще даются в нашей научной литературе») как к метафорическим, а не социально-объективным образованиям. В целом однозначные самономинации сегодня весьма затруднительны, особенно если наиболее очевидные из них имеют исторически устойчивые ценностные коннотации, поэтому информанты используют прием «гиперэкспертной» идентификации — называя себя как-либо, например «православным неверующим», ссылаются на авторов, работы, устоявшиеся в научной литературе модели.

Среди иных типологий, презентуемых авторами как некие идеальные типы, следует назвать: нынешние модели социальной активности интеллигенции (автономистская — «монах культуры»; интернациональная — «не сосредоточенные в собственном безумии» критически настроенные политически левые; национальные публичные интеллектуальные рынки со своими типами потребителей и производителей идейных и идеологических комплексов; областная/региональная — локальный уровень организации социальных действий; городская — пафос высококвалифицированного социального служения «малой родине»); типы институтов как «основной социально-профессиональный субстрат реализации интеллектуальной активности» — публичные институты («толстые» литературно-публицистические, общественно-политические и интеллектуальные журналы и интернет-ресурсы) и центры производства знания (университеты, академии и некоммерческие организации); типы интеллектуальных пространств (попытка структурировать жизненные миры российского интеллигента-интеллектуала) — центрально-периферийные, интеллектуального обитания/бытования (кухни,

курилки, кафе), пространство малых повседневных дел, которое может перерасти в крупные образовательные и просвещенческие проекты; варианты оценки российской действительности и власти, которые практически нетипологизируемы и скорее коррелируют с некоторой размытой шкалой с крайними точками в виде авторитаризма и анархии, и т. д.

Второй сборник — принципиально иное, более академичное издание, поскольку содержит историко-теоретические материалы проекта. В этих материалах (концептуальные перспективы социологии интеллектуалов в контексте их исторического и идейного становления) даны ответы на многие оставшиеся открытыми вопросы эмпирического исследования⁵, например о трансформации интеллектуальности в интеллигентность и обратно. Тут тоже следует отметить смелость авторов: каждый раздел тянет, по крайней мере, на несколько докторских диссертаций и коллективных монографий — «Франция», «Макс Вебер», «Марксизм» и т. д. И при первом же взгляде на содержание у читателя, в той или иной мере знакомого с персоналиями и вехами интеллектуальной истории представленных стран и идейных течений, возникает целый ряд вопросов, которые не снимает оговорка о дискуссионности и избирательном подходе в предисловии. Почему именно Россия (весьма «патриотично» ей отведено целых три статьи), Германия и Франция (если в отдельный блок выделены кейсы по США)? Почему именно Макс Вебер, Антонио Грамши, Карл Манхейм, Флориан Витольд Знанецкий, Арнольд Гелен и Хельмут Шельски, Пьер Бурдьё? В качестве обоснования выступает их «наибольшая влияние и известность», но в случае Знанецкого говорится, что его книга «Социальная роль человека знающего» (1940) «до сих пор мало востребована и не заметна в тени таких классиков, как Маркс, Дюркгейм, Шелер, Вебер и Манхейм, или работавших уже после него Мертон, Куна или Бурдьё» [3, с. 256], а во многих статьях упоминаются одни и те же персоналии, оставшиеся без «личных» посвящений. Почему только марксизм? Предисловие не содержит внятных обоснований выбранного перечня тем, а в статьях встречаются как высказывания, проясняющие содержание сборника (скажем, Россия, Германия и Франция — исторически важные и отличные друг от друга случаи), так и суждения, этому не способствующие (различия «англо-американского и европейско-континентального социальных космосов» социологически не схватываемы).

⁵ Было бы интересно посмотреть по транскриптам, какие персоналии и, возможно, идеи второго сборника упоминались информантами и насколько часто, а также посредством простейшего контент-анализа выявить отсылочных лидеров историко-теоретического материала (на первый взгляд, это Макс Вебер и Антонио Грамши).

Тезисно содержание книги таково. Первый тематический блок из трех статей, посвященных российской ситуации, начинается с тщательной терминологической, концептуальной и эволюционно-исторической проработки понятий интеллигенции и интеллектуалов в досоветской России. Приведены разнообразные смыслы понятий, олицетворяющие их персоналии, релевантные работы и социально-политические контексты; обозначены достоинства и противоречия разных трактовок интеллигенции, критерии ее внутренней дифференциации и «учреждения», ее консолидирующие; составлена картография оформившихся в тот период интеллектуальных направлений (либерализма и консерватизма/традиционализма). Затем показаны самоопределяющие практики советской интеллигенции на фоне сложных дискуссий о сути самого понятия, о социально-классовых корнях и функциональном назначении интеллигенции, о его соотношении с ролями интеллектуала и бюрократа, о степени представленности и проблематизации данной тематики в обществоведении и художественной литературе. Рассмотрены авторитетные нарративные трактовки интеллигенции (апологетическая и обличительная), сложившиеся на пересечении профанного, научного и политического дискурсов. Завершают первый раздел «социально-теоретические размышления» об исторически изменчивых типах и функциях интеллигенции в постсоветской России.

Второй тематический блок сборника — «зарубежный». Франция представлена как страна, в жизни которой интеллектуалы «составляют особенную категорию социальной и политической жизни» [3, с. 96], весьма консолидированную в рамках разных идейных направлений (левых и правых). Французские интеллектуалы озабочены донесением истины до власти, поэтому здесь хорошо разработаны социально-статусные, идеологические, функциональные, публично-политические, институциональные и идентификационные компоненты интеллектуализма в их исторической эволюции. Аналогичная работа, но более систематическая, сфокусированная на персоналиях и детальном «описании интеллектуального ландшафта» с точки зрения его внутренней структуры, каналов рекрутирования, доминантных типажей и внешних факторов, проведена по Германии⁶, где основные

⁶ Не хотелось бы отвлекать читателя именами и собственными предпочтениями, но статьи А. Михайловского о Германии, А. Кустарева о Вестере и Знанецком, Т. Дмитриева о Грамши, В. Куренного о Манхейме, А. Филиппова о Гелене и Шельски кажутся наиболее полными, законченными, продуманными, последовательными и даже захватывающими (откровенно слабых статей в сборнике нет — несколько материалов выглядят ученическими, но только на фоне существенно более сильных текстов).

концептуально-теоретические выкладки сгруппированы по релевантным историческим периодам как социально-политическим контекстам интеллектуальной деятельности.

Далее следует стоящая несколько особняком статья об отношении к интеллектуалам в широком смысле (представителям образованных слоев, носителям специализированного знания, интеллигенции, «людям знания») в рамках марксистской традиции на всем протяжении и во всех форматах ее существования, которое варьировалось «от тотальной критики до избирательной апологетики в зависимости от исторической конъюнктуры и текущих политических потребностей» [3, с. 163]. Соответственно, представлена периодизация развития марксизма по критерию «разных парадигматических предпосылок трактовки проблематики интеллектуалов» — их социально-классовых позиций (буржуазная и революционно-социалистическая интеллигенция), производства идеологии, политической борьбы, партийной принадлежности, социальных функций и т. д.

Следующий тематический блок — «персональный». Начинается он с работы о Максе Вебере как интеллектуале, «наблюдавшем за полем интеллектуализмов не только сверху и сбоку, но и изнутри» и «предложившем важные соображения на тему» интеллектуалов, «ставшую сквозной в его творчестве» благодаря рассмотрению систем социальной стратификации, механизмов социальной мобильности и типов оппозиций разных агентур знания, каковых «у Вебера целый Ноев ковчег» [3, с. 188, 201, 204]. Затем идет статья об известном итальянском политическом деятеле и социальном теоретике Антонио Грамши, который «разработал социально-историческую концепцию интеллектуалов, их места и роли в традиционных и современных обществах, а также функций, выполняемых ими в деле обеспечения культурно-идеологической гегемонии господствующих социальных групп», и предложил типологию интеллигенции как «иерархически упорядоченной системы положений в зависимости от институтов... и функций» [3, с. 221]. Продолжают раздел два очерка. Первый — материал о венгерском интеллектуале Карле Манхейме, в чьей «широкой практической и теоретической программе, с течением времени изменявшей подходы и акценты, играет заметную роль теория интеллектуалов, известная как теория “относительно свободно парящей интеллигенции”» [3, с. 232]. В этой теории рассматриваются определения, базовые характеристики, типы «отношения к культуре», функции интеллигенции и возможности их институционализации. Второй очерк — размышления по мотивам этюда Флориана Витольда Знанецкого о разработанной им «систематике и проблематике» социальных ролей разных типов «человека знающего». Далее идет интереснейший, теоретически и логически виртуозный текст о сути и идейных истоках «антисоциологии» интеллектуалов Хельмута Шельски (характеристика социальной системы капитализма Й. Шумпетера

и попытка А. Гелена определить понятие, функции и этос интеллектуала). Завершает тематический блок анализ «социологии интеллектуалов» Пьера Бурдьё, рассматривавшего интеллектуальную практику и символическое производство в целом с точки зрения функций, типов и социальных позиций интеллектуалов.

В конце сборника помещены два кейс-стади — социологические зарисовки, посвященные истории «трансформации идеологии... логического позитивизма и движения за единство науки в США под влиянием антикоммунизма и культурно-политических тенденций эпохи начала холодной войны» [3, с. 337] и кристаллизации понятия «публичная социология» в деятельности ее «поразительно энергичного глашатая» Майкла Буравого. Они играют роль скорее интересного дополнения, чем самостоятельного тематического блока (как в первом сборнике), по сути, акцентируя идею, проходящую через всю книгу: концепции интеллигенции и интеллектуалов разрабатывают представители данной элитарной в знаниевом отношении группы, причем совершенно конкретные люди с очень разными биографическими траекториями и личными предпочтениями в трактовке как своей роли, так и функций «своей» общности в социальной жизни.

Делать выводы по итогам прочитанного крайне сложно — можно лишь назвать несколько сквозных тем сборника: «любой социальный слой вырабатывает внутри себя собственных интеллектуалов, как и государство» [3, с. 20]; «интеллектуализм как дискурс основан на культуре рационального критического рассуждения» [3, с. 22]; неотъемлемые функции интеллигенции — просветительская, критическая (в том числе самокритика) и идеологическая; сегодня «критерии принадлежности к интеллигенции должны быть изменены, либо это слово утратит свой различительный потенциал» [3, с. 70]; «интеллигенция как совокупный агент культурной и экономической модернизации... в настоящее время является скорее преходяще-исторической, нежели актуальной социальной группой российского общества... и может претендовать только на статус профессионально-идеологической, а не социально-онтологической общности» [3, с. 74–75]; «отсутствует устоявшийся консенсус в самой среде интеллектуалов по поводу их задач и возможностей» [3, с. 94]. Цитировать можно бесконечно, но основные идеи книги в эти фразы не укладываются, ее надо воспринимать целиком, поражаясь собственной неосведомленности. Кроме того, если в первом сборнике завораживают транскрипты, то во втором — интереснейшие примечания, которые просто невозможно лишь пробежать глазами и перелистнуть страницу, — их можно, нужно и хочется читать как самостоятельный текст. Именно примечания демонстрируют, как по-разному авторы преодолевают проблему неоднозначности используемого концептуального аппарата:

одни отказываются от расширительных трактовок понятий интеллигенции и интеллектуала, волевым усилием выбирая конкретные определения, но делая смягчающие оговорки и уточнения; другие, напротив, принимают расширительные трактовки (по большей части «интеллектуал» и «интеллигент» в книге оказываются синонимами), концентрируя внимание на содержательных компонентах рассматриваемых теорий и моделей.

Каковы общие характеристики двухтомника? Во-первых, фрагментарность: перед нами две очень разные по «качественным» (с точки зрения исторических рамок, терминологической насыщенности, упоминаемых персоналий и идейных течений, авторской отстраненности и проч.) и «количественным» (объему материала, числу и самому факту наличия библиографических ссылок и т. д.) параметрам книги, в которых каждый автор произвольно выбрал формат собственного текста (кто-то скрупулезно выполняет жесткие требования к научной статье, кто-то пишет обзорные очерки «с зачатками библиографии»). Фрагментарность первого сборника объясняется авторами недостатком времени. Вероятно, не менее значимы зафиксированная объективная фрагментированность интеллектуально-активной группы и некоторая расплывчатость предмета изучения, целей и задач эмпирической работы. Аналогичное качество второй книги, видимо, определила ее информационная перенасыщенность — масса терминов из самых разных политических и идейных концепций, множество цитат из работ известных ученых и посвященных их творчеству исследований, причем в разном приложении и более чем за полуторавековой период. В этом смысле оба сборника и отдельные статьи напоминают калейдоскоп: авторы и редакторы сложили из мозаики имен, понятий, концепций, цитат свой рисунок, читатель может встряхнуть калейдоскоп — и картинка получится не менее яркой, но другой.

Во-вторых, обе книги, по сути, говорят об одних и тех же проблемах — языковых: каково денотативное и коннотативное наполнение категорий, которыми интеллектуально-активное сообщество номинирует важные вопросы общественного бытия и сознания, а также самое себя в разные исторические периоды. Номинационных проблем не избежали и сборники, в которых иногда встречаются весьма странные обозначения плохо концептуализируемых феноменов («прикладной интеллект», «гибридизация социальных ролей», «натуралистичность проведенного анализа», «агентура советского социального космоса»), особенно типов интеллигенции («профессиональная», «массовая», «рафинированная», «дезавурируемая», «хрестоматийная», «эгалитарная») и родственных ей феноменов («общейинтеллигентские институты», «интеллигентская ментальная традиция», «интеллигентский дискурс»), что очень напоминает попытки аналогичной идентификации российского

варианта капитализма (архаический, асоциальный, периферийный, государственный, клановый), утратившего ряд сущностных «западных» характеристик и потому нуждающегося в этикетках-подпорках [5]. Кроме того, отношение к рассматриваемым понятиям у авторов очень разное: кто-то шепетильно обосновывает использование того и/или другого, кто-то без всяких отсылок пишет об интеллигенции как очевидной социальной данности, кто-то, напротив, ее таковой не считает и апеллирует исключительно к интеллектуалам.

В целом двухтомник очень насыщен терминологией⁷, что предполагает исключительно подготовленного читателя, способного получать удовольствие от текста, а не впадать в тоску от обилия редко используемых в повседневной жизни и даже преподавательской деятельности концептов из самых разных дисциплинарных областей. Наверное, одним из ключевых понятий первого сборника можно считать «имитацию»: речь идет о стилизации обыденного дискурса под научный; о подозрении интеллигенции в имитации *«беззащитности и беззубости, чтобы принести себе символическую пользу»*; об играх нынешней политической элиты в чистые номинации, об имитации государством наличия гражданского общества и его поддержки (говорится о переходе власти в «имитационный режим», т. е. жизни в воображаемом мире собственных деклараций) и т. д. Намеки на имитационность встречаются и во второй книге: упоминается использование в XIX в. словосочетаний «мундир интеллигента», «интеллигентский лик»; цитируются высказывания Чехова о «лицемерной, фальшивой интеллигенции»; приводятся утверждения об «интеллигентско-бюрократическом» лженародничестве» и «симуляции научного подхода» в политических практиках. Однако понятийный референ второго сборника формирует понятие «миф», фигурирующее в массе конструкций оценочного характера⁸.

⁷ Иногда даже избыточно: во второй книге представлены персоналии и течения, далеко не всегда прямо говорящие об «интеллектуалах» и «интеллигенции», поэтому авторы статей склонны чрезмерно апеллировать к этим понятиям, чтобы сделать привязку рассматриваемых идей к теме проекта более очевидной.

⁸ «Наивно-мифологизаторское отождествление интеллигента с “вполне хорошим человеком”»; «идеологическое мифологизаторство» в приписываемой дворянским интеллектуалам XVIII в. степени социально-политического радикализма; «миф об уникальности русской интеллигенции» как духовной гордости нации — в противопоставление бездуховному западному интеллектуалу (или, напротив, как ленивой и беспредметной духовности, несчастья нации, не в пример западному рациональному и добросовестно служащему обществу интеллектуалу); «общественный “миф об интеллигенции”», активно технологически используемый властями; средний класс как «телеологически продуктивный миф»; «мифоинтеллигенция» и проч.

В-третьих, тексты наполнены историко-компаративными отступлениями (зачастую весьма неожиданными, например отсылка к нынешнему интернет-сообществу от дискуссий 1920-х гг.), смелыми идейными параллелями и терминологическими дополнениями концепций (используются понятия, которых упоминаемые ученые не знали или не использовали), что делает их не просто предельно информативными, но задающими широкую перспективу восприятия интеллектуальной жизни. Это позволяет книгам решать поставленную задачу — говоря на «глубоко терминологическом языке», сориентировать читателя в современной и исторической ситуации, подчеркивая контекстуальность излагаемых сведений. Причем рассматривая сложные и дискуссионные вопросы, авторы демонстрируют почти эталонную научную дистанцированность — безэмоциональность и безоценочность.

И наконец, в большей или меньшей степени, но в обоих сборниках отчетливо звучат следующие тематические рефрены: диалектическое противостояние центра и периферии (столицы и провинции) с точки зрения трактовки и реальной роли интеллигенции, возможностей инициирования публичных событий и дискуссий, концентрации медийных ресурсов, общественно-политической и материальной инфраструктуры и т. д.; соотношение прагматизма и идеализма как критерий «оценки» интеллигентности интеллектуальной деятельности (возможны некие промежуточные, маргинальные формы — недостаточно интеллектуальный интеллигент и недостаточно интеллигентный интеллектуал); публичность как попытка выхода за пределы собственной профессиональной самоидентификации — для реализации интеллектуальной и интеллигентной функции необходима активная социальная коммуникация, но вопрос в том, насколько при занятии гражданской или политической позиции, в контексте «публичной науки» ученый способен сохранить «аутентичность» *«просветителя»*, не сползая в *«холуйство перед властью или перед копеечкой»*; своеобразие российской действительности как конкретно-исторического контекста формирования интеллигенции и интеллектуальной среды в качестве *«составного элемента скорее культуры, чем политики»*. Иной, нежели на Западе, формат многих феноменов и концепций рассматривается в двухтомнике двояко — и критически (например, миф об уникальности и неповторимости русской интеллигенции), и констативно: в России слабы навыки самоорганизации и сильны патерналистские ожидания; с советских времен заложен пietet к научному и техническому знанию (сегодня он сменился антиинтеллектуализмом), утрачен навык публичной интеллектуальной состоятельности. Фактически активен единственный потребитель интеллектуальной продукции — государство, которому не нравится

«хаотическое болото общественных организаций», поэтому оно стремится жестко контролировать любые интеллектуальные инициативы при общем нежелании, на грани неспособности, «прислушаться к интеллигенции»⁹.

Особое очарование рецензируемым работам придает то обстоятельство, что названные и другие содержательные акценты получают в них прекрасное метафорическое¹⁰ и даже афористичное оформление¹¹. (Видимо, «высокие материи», о которых идет речь, настраивают авторов на поэтический лад, что позволяет читателю немного отдохнуть от сложного интеллектуального чтения. Не отстают от авторов и информанты¹².)

Безусловно, сборники необходимо прочитать каждому, кто

⁹ Авторитаризм государства и его нелюбовь к любым вариантам самоорганизации хорошо показаны в [6].

¹⁰ «Паразитирование на социально-статусном понятии “интеллигенция”, изымание <его> символической “прибавочной стоимости”»; «ценностная “аура” “интеллигенции”»; «прибежище для самоидентификации»; «индивидуалистический атомизм»; «“вегетарианский” характер репрессий» против критически настроенных интеллектуалов; «квазиактивные центры»; «виртуоз веры»; «жертва строгой редукционистской диеты»; «подворотня истории».

¹¹ «Для существования публичной интеллектуальной сферы в полисе нужен не только Сократ, но еще и афинская площадь, на которой он может вести свои диалоги»; «интеллигентов много — пространства разные»; «отказ от именованного интеллигентом интеллигентен по сути»; «харизма — как землетрясение — чревата повторными толчками»; «оппозиция религиозного и светского интеллектуализма носит хронический характер»; «оценочное коррумпирование нейтральных теорем имеет место всегда и абсолютно на совести тех, кто сам к этому склонен». (Сложно сказать, являются ли эти афоризмы авторскими, но сути это не меняет.)

¹² «Сейчас дурновкусица становится вкусом»; «у нас даже на кладбище тесно»; «привычка жаловаться — неистребима»; «это каким надо быть идиотом, чтобы в искусстве проводить тендер на кто дешевле»; «коммуникация внутри элит... выглядит словно Закон Божий — собрались, помолились перед принятием пищи и приняли»; «в авторитаризме нет ничего спасительного, в нем есть просто очень много понятного»; «...если бы расстреляли сотню коррупционеров, это было бы очень оздоровительно»; «сверху слышать ничего не хотят... а статьи в журналах — это братская могила»; «народ никакой власти не имеет — у нас это естественно»; «чиновник по определению туп»; «интеллигент так устроен, что вот истинной веры у него нет»; «власть делает церковь частью своего официального политического декораума»; «интеллигенция не ломится в церковь, а заходит»; «интеллектуальным местом не все возьмешь».

связывает свои профессиональные и/или личные интересы с социально-гуманитарным познанием и «интеллектуальной активностью», чтобы «услышать» мнения сразу множества экспертов и интеллектуалов, но скорее всего его впечатления от книг будут иными, чем изложенные выше. В любом случае читатель должен быть очень заинтересованным (и подготовленным?) — другой сразу отложит книги в сторону, ужаснувшись их тематической и терминологической насыщенности и удивившись тому, что они предлагают больше вопросов и тем для размышлений, чем ответов. Даже заключений в сборниках нет — разбросанные по текстам несколько сумбурные и иногда поспешные обобщения нужно собирать по крупицам, и право (а скорее даже обязанность) делать выводы вменено читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1999. С. 109–121.
2. Мыслящая Россия: интеллектуально-активная группа / Под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2008.
3. Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2009.
4. Троцук И.В. Групповая беседа как метод пилотажного исследования (на примере изучения современной молодежи Кавказа) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2006. № 1 (19). С. 21–38.
5. Троцук И.В. Стало ли российское общество капиталистическим: варианты оценки постсоветской трансформации // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4.
6. Scott J.C. The art of not being governed: An anarchist history of upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009.